

Циклизация повестей в творчестве В. А. Соллогуба 1840-х годов

В. Д. Петухов

аспирант факультета филологии и медиакоммуникаций, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-6346-2171. E-mail: vict.petukhoff@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется специфика единства художественного мира прозы известного писателя В. А. Соллогуба в период его основной творческой активности, в 1840-е годы. Большинство исследователей рассматривают творчество писателя как набор отдельных повестей, связанных между собой исключительно местом их действия – большим светом, не замечая более глубокой связи этих произведений друг с другом. Новизной данной научной статьи является то, что в ней представлена первая всеобъемлющая попытка посмотреть на большинство повестей Соллогуба 1840-х годов как на единый текст, объединенный в циклы повестей. Актуальность обращения к данной теме обусловлена ростом интереса со стороны современных исследователей к творчеству Соллогуба и отсутствием всеобъемлющей научной работы, включавшей бы в себя не только анализ уже хорошо известных публике произведений, но и обращение к поздним, малоизученным повестям писателя. В ходе исследования выявляются два основных сквозных мужских персонажа, «сшивающих» повести Соллогуба друг с другом (Сережа, Леонин) в единое целое. Помимо этого, выделяются второстепенные, вспомогательные персонажи, которые выполняют во многом схожие функции (Щетинин, Саша, князь Мухрабатов). Также через сережин и леонинский циклы в статье устанавливается связь художественного мира Соллогуба с произведениями Пушкина и Лермонтова. Наконец, проводится анализ «дамского» цикла Соллогуба «Жизнь светской женщины», который до сей поры являлся практически не изученным современной литературоведческой наукой. Произведения, выделенные писателем в этот цикл («Бал», «Две минуты», «Княгиня» и «Старушка»), однако, также имеют глубинную связь с предыдущими произведениями писателя. Особое внимание в этом цикле уделено повести «Старушка», завершающей его, но опубликованной ранее отдельным произведением в отрыве от других повестей цикла. Рассмотрение этого произведения в контексте цикла позволяет переосмыслить понимание этой повести, по-новому посмотреть на некоторые детали, которые не представляют собой интерес в отрыве от цикла. Автор статьи приходит к выводу, что тесная взаимосвязь произведений Соллогуба между собой позволяет говорить о его повестях не просто как о некоем едином тексте, а как о едином, цельном художественном пространстве писателя, что отчасти компенсирует в его творчестве отсутствие крупного по объему, масштабного произведения.

Ключевые слова: русская литература XIX века, светская повесть, творчество В. А. Соллогуба.

Творчество В. А. Соллогуба принято обычно рассматривать как набор отдельных друг от друга повестей, связанных между собой исключительно местом действия – «большим светом», а самого писателя также ограничивать рамками знатока нравов высшего общества. Об этом в частности пишет М. Белкина: «За время с 1837 по 1843 год он печатает ряд повестей (“Два студента”, “Три жениха”, “История двух калош”, “Большой свет”, “Лев”, “Аптекарьша”, “Медведь” и др.). Все эти произведения легко укладываются в общий шаблон светской повести: та же узко ограниченная среда, та же любовная интрига, то же легкое, чуть насмешливое осуждение пустоты и испорченности большого света» [1, с. 7]. Похожую позицию занимает и другой известный исследователь творчества писателя И. Чистова: «Повести Соллогуба принадлежали к особой внутрижанровой группе, которая получила название “светская повесть”» [18, с. 8].

Однако это не совсем так. Повести его не ограничивались только лишь описанием жизни «большого света». Во-первых, он регулярно создавал произведения, описывающие не только столичную, но и провинциальную жизнь. А во-вторых, постоянно экспериментировал с жанрами. Из-под его пера в разное время выходили и повесть о гении («История двух калош»), и повесть бытовая («Аптекарьша»), и даже повесть фантастическая («Бал»).

Правда, экспериментируя с жанрами, Соллогуб не экспериментировал с формой своих произведений: написание крупного романа он так и не вышел. Исключением, конечно, можно назвать «Тарантас», однако, пусть жанровая структура этого произведения Соллогуба довольно сложна и самобытна, что позволяет ей выйти за рамки обыкновенной повести, но

все же романом «Тарантас» назвать никак нельзя. Так или иначе вопрос о создании писателем крупного, эпического произведения представляется весьма важным, так как, по мнению литературоведа А. С. Немзера, оно являлось «попыткой выйти из круга раз и навсегда определенных тем» [5, с. 11]. К слову, тот же Немзер в одном из своих ранних исследований выяснил, что Соллогуб все же такое большое произведение планировал: «Роман Соллогуба должен был охватить разные сферы жизни: провинция и столица, высший свет и чиновничество, в эпилоге его мог быть описан и театр военных действий» [4, с. 88]. Однако замысел этот так и не нашел воплощения в жизни. С. И. Ермоленко и Н. А. Валек в исследовании, посвященном позднему роману Соллогуба «Через край», приходят к выводу, что писатель на тот момент просто «еще не был готов к созданию произведения “большой формы”» [2, с. 18].

Сам Соллогуб, возможно, осознавая в своем творчестве недостаток этого самого «большого произведения», прибегнул к несколько иной форме воплощения большого плана в жизнь, а именно – к циклизации своих повестей. Первым на это обратил внимание все тот же Немзер: «Бессобытийность прозы Соллогуба внутренне связана с ее фрагментарностью. Мир здесь мыслится мозаичным, состоящим из фрагментов. Не случайно Соллогуб прибегает к циклизации своих повестей, объединяет их в сборник “На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни”. Из отдельных повестей и рассказов в данном случае вырастает не роман (как в “Герое нашего времени”), но все-таки некий единый текст, по сути неизменный, но при этом не имеющий конца, постоянно меняющийся и “неполный” – хроника светской жизни» [5, с. 11].

Это верное утверждение Немзера можно уточнить лишь в том, что, как нам кажется, произведения Соллогуба являют собой не просто «некий единый текст», а скорее цельное, единое художественное пространство писателя, которое связывают между собой не только общие мотивы или сюжеты, но и порой даже общие герои, на что обращает внимание и Немзер, правда, как нам представляется, ученый не придает этому слишком много значения: «Мир соллогубовской прозы внутренне един, здесь все знакомо и все повторяется: лица, ситуации детали. Герои переходят из рассказа в рассказ: Сережа действует также в “Происшествии на железной дороге”, Щетинин из “Большого света” появляется на периферии повествования в “Медведе”» [5, с. 9].

На наш взгляд, этому аспекту в творчестве Соллогуба стоит уделить чуть больше внимания. Поэтому, взяв за основу тезис Немзера о единстве художественного мира Соллогуба, попытаемся найти более глубокие связи произведений Соллогуба друг с другом, а также, возможно, вписать художественный мир Соллогуба в контекст всей русской литературы, находя общее с главными произведениями тогдашней русской литературы.

Итак, в качестве первого примера связующего героя, который белыми нитками сшивает светский мир салонов и гостиных Соллогуба, можно взять Сережу, героя одноименной повести. К слову, в данном случае его ничем не примечательный, усредненный портрет наиболее удачно подходит для этой «связывающей» функции. «Он добрый малый, гвардейский щеголь. Вы его видели **везде**» [14, с. 20]. Это «везде» в данном случае предполагает и то, что Сережа и десятки таких же «сереж» и «саш» в качестве безымянной массовки переходят из одной повести Соллогуба в другую. И автор, и читатель просто не замечают их, а между тем это именно они отплясывают на многочисленных балах, скучают в театрах и томно вздыхают на светских раутах подле красавиц. Просто делают они это незаметно, на заднем фоне, создавая тем самым атмосферу большого света. Однако наш Сережа, как, правда, и все прочие «сережи», несмотря на всю свою заурядность, обычным человеком себя не считает. Он в этом отношении следует словам Пушкина: «Мы всех нулями почитаем, а единицами – себя» [6, с. 38]. Цитирование «Евгения Онегина» в контексте разбора образа Сережи приведено нами совсем не случайно. Дело в том, что Сережа в повести, словно подражая Онегину, старательно повторяет весь его путь, начиная от побега из большого света в деревню и заканчивая трагичным финалом. Учитывая связывающую функцию Сережи с одной стороны и его явное подражание Онегину с другой, можно сделать смелое предположение, что он, возможно, где-либо пересекался с самим Онегиным или, по крайней мере, был знаком с его историей.

Вполне вероятно, мог Сережа знать и историю другого знакового героя русской литературы – Печорина. Повесть «Приключение на железной дороге», в которой Сережа также является главным героем, выполнена в форме дневниковых записей героя, что также можно расценить как подражание печоринскому журналу. Помимо этого, в текст повести перешла и таинственно-авантюрная атмосфера главы «Тамань» из «Героя нашего времени». Здесь также присутствует загадочная незнакомка, регулярно совершающая таинственные поездки, толь-

ко не по морю, как лермонтовская Ундина, а по железной дороге. Таинственный старый дом, где обитает весьма странная компания: старуха с пестрым платком и какой-то весьма подзрительный мужчина с взглядом, «подобным сверкающим углям» [13, с. 171].

Кстати будет сказать, что помимо Сережи в галерее двойников «лишних людей» напрашивается и герой другой повести Соллогуба «Лев». В характере этого петербургского денди можно найти онегинские черты: «Сердце же его – мрачная пучина; вся молодость его – неразгаданная мистерия, демоновская загадка...» [11, с. 60]. Образ жизни льва и его повседневные привычки также в чем-то перекликаются с онегинскими: лев спит до обеда, пока его пробуждения в гостиной дожидаются многочисленные кредиторы, которым он должен, по вечерам любит ходить в театр. Даже в своих отношениях с женщинами герой Соллогуба будто бы следует формуле Пушкина: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей» [6, с. 71]. Однако, пожалуй, лев, подражая Онегину, доводит это пушкинское изречение до полной абсурдности: «С женщинами он вообще суров и даже груб, но позволяет им, однако ж, себя любить и даже иногда нисходит до такой откровенности, что бедным нашим дамам надлежало бы закрыть уши» [11, с. 60].

Но если тот же Сережа хотя бы внешне кажется серьезным, даже пытается «хандрить» и имитировать серьезные душевные переживания, то лев о таких пустяках не заморачивается. Ему абсолютно чужда всякая хандра, он всегда бодр и весел, что, правда, делает его еще глупее того же Сережи. Создается впечатление, что если Сережа волею автора подражает Онегину, то лев в лучшем случае подражает Сереже. Таким образом, если Сережа является своеобразной карикатурой на Онегина, то лев – карикатурой на Сережу. Тем более ироничным звучит в этом смысле прямое обращение Соллогуба ко льву как к «герою нашего времени»: «...О веселый рыцарь нашего века, герой нашего времени!.. Заезжай за мной вечером» [11, с. 67].

Помимо этого, персонаж по имени Сережа среди прочих появится также в повести «Медведь», о чем, кстати, не упоминает Немзер. Больше того, помимо Сережи в эту повесть перекочевал и его друг Саша, который являлся второстепенным героем первой повести о Сереже, что позволяет еще крепче, на двойной узел связать эти произведения друг с другом. Соллогуб даже награждает двух друзей фамилиями, что, правда, не придает им индивидуальности, а скорее еще больше типизирует их. Они по-прежнему только лишь «добрые малые», типичные «маленькие люди большого света»: «Военные были добрые ребята: корнет Саша Хлыстин, поручик Сережа Шпорин и штабс-ротмистр Адам Адамыч Шонингбуш, немец» [12, с. 379].

Однако и на этом история Сережи в произведениях Соллогуба не заканчивается. Он еще однажды промелькнет на страницах самой главной книги автора, «Тарантаса», но уже в качестве внефабульного персонажа. В главе «Русский барин» приехавший из Парижа князь, ведя беседу с Иваном Васильевичем, упомянет Сережу: «Вы помните маленькую герцогиню Бенвильскую?.. Она теперь с нашим русским, с Сережей» [17, с. 273]. Казалось бы, совершенно незначительная на первый взгляд фраза, всего один незаметный стежок, который тем не менее позволяет нам говорить о «Тарантасе» как о важной части единого художественного мира Соллогуба, а не как о произведении, стоящем в его творчестве особняком.

Что же касается фигуры самого князя, то для него «Тарантас» также не является «дебютом» в повестях Соллогуба. Впервые этот персонаж появился в том же самом «Медведе» вместе с Сережей и Сашей под фамилией князя Мухрабатова. Доказать, что два этих героя – одно и то же лицо, достаточно легко: во-первых, у них одинаковый титул, а во-вторых, совершенно одинаковое пренебрежение ко всему русскому: «Между тем князь Мухрабатов вернулся из-за границы... Говорил он вообще мало и только о заграничной жизни; к России и русскому нашему быту относился слегка и с некоторым пренебрежением...» [12, с. 403]. Таким образом, Соллогуб добавляет еще один стежок между «Тарантасом» и остальными своими произведениями.

А уже от «Медведя» можно протянуть ниточку к повести «Большой свет», благодаря князю Щетинину, который, как говорил Немзер, «появляется на периферии» этой повести. «Около этого времени странный слух распространился по дачам петергофской дороги. В среду, говорили, будет бал... Князь Щетинин отделал свою дачу и желает показать ее во всем блеске. Князь Щетинин умеет жить» [12, с. 411].

Щетинин является маленькой, но очень важной ниточкой, через которую мы подходим к другому узловому персонажу всего творчества Соллогуба – Михаилу Леонину. Фамилия героя, созвучная с Лермонтовым, взята Соллогубом намеренно. В истории Леонида действительно можно увидеть много перекличек с жизнью Лермонтова. Однако Леонин, подобно тому же Сереже, лишь копирует неординарную судьбу великого поэта. Впервые герой этот по-

является в повести «Большой свет» и, что характерно, на маскараде: «Он недавно только был прикомандирован из армии к одному из гвардейских полков и, после шестимесячного пребывания в Петербурге, в первый раз был в маскараде» [8, с. 84]. В финале же повести Леонин, подобно своему прототипу, отправляется на Кавказ из-за несостоявшейся дуэли как раз со Щетининым, никому не нужный и всеми покинутый, о чем говорит ему его друг Сафьев: «Поезжай себе: ты ни для графини, ни для Щетинина, ни для повестей светских, ни для чего более не нужен... Поезжай на Кавказ, а я покуда отправлюсь на Волково поле, где противники наши, чай, бесятся на морозе» [8, с. 151].

Однако, в отличие от Лермонтова, Леонин все же вернется с Кавказа, для того чтобы рассказать нам от своего лица повесть «Бал», которая в свою очередь открывает собой цикл «Жизнь светской женщины». Леонин, таким образом, словно бы подхватывает эстафету у Сережи, пришивает к «одеялу» повестей Соллогуба еще четыре лоскутка, так как в цикл входит именно четыре повести. Помимо «Бала», это также «Две минуты», «Княгиня» и «Старушка».

Правда, если Сережа, как мы убедились, довольно часто мелькает в повестях Соллогуба, то вот Леонин после «Бала» пропадает из текста произведений писателя вовсе. По крайней мере, напрямую, поэтому о его судьбе мы можем только гадать. Есть лишь некие полунамекы, из которых мы можем предположить, что судьба Леонина, скорее всего, сложилась трагически, как и лермонтовская.

Вообще, с точки зрения связи произведений друг с другом, цикл «Жизнь светской женщины» представляется куда более сложным, нежели уже рассмотренные нами произведения. Здесь нет как таковых общих героев, а точнее героинь. Соллогуб в этом смысле стал работать намного тоньше, пользуясь уже не белыми, а скорее прозрачными нитками. В каждой повести нам представлены на первый взгляд совершенно разные героини. Разные и по возрасту, и по положению в большом свете. Тем не менее эти разные героини словно бы живут одну и ту же жизнь, продолжают судьбу друг друга. Так, в повести «Бал» перед нами еще совсем молодая княжна, которая, как снится Леонину, ненавидит свою светскую показную жизнь. В повести «Две минуты» графиня Красносельская (кстати, единственная во всем цикле героиня с фамилией), уже вышедшая замуж, но все еще молодая женщина, наследует от своей молодой предшественницы нелюбовь к большому свету. Однако в конце концов графиня уступает свету и становится типичной светской дамой. Леонин, как мы уже сказали выше, исчезает из цикла, однако лермонтовские мотивы в тексте остаются, причем открываются Соллогубом с неожиданной стороны. Например, как ни странно, портрет главной героини имеет сходство с Печориным: «Она была красавицей в полном смысле слова. Высокая ростом, с **черными глазами и густыми ресницами, с светло-белокурыми локонами**, падавшими около правильного овала **детски-нежного лица**; она олицетворяла самую взыскательную, самую светлую фантазию поэта. Но в то же время что-то холодное отражалось в чертах ее» [9, с. 126].

Сравним внешний облик графини со знаменитым портретом Печорина, в котором даже сам автор-повествователь обращает наше внимание на то, что в облике Печорина проскальзывает довольно много «женственного»: «...В его улыбке было что-то **детское**. Его кожа имела какую-то женскую нежность; **белокурые волосы**, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб... Несмотря на **светлый цвет его волос**, усы его и **брови были черные** – признак породы в человеке» [3, с. 64].

Общность эта, да и весь дальнейший сюжет повести показывает, что перед нами женщина для своего светского круга во многом исключительная, попытавшаяся противопоставить себя свету, правда, в конце концов проигравшая среде своего обитания и, увы, ставшая типичной светской женщиной. Точно такой же, какой является **княгиня**, героиня одноименной третьей повести цикла, которая, словно бы пытаясь исправить ошибку предшественницы, пробует вырваться из большого света, но безуспешно. В повести «Княгиня» также проявляется лермонтовский мотив маскарада, а также впервые появляются намекы на возможную судьбу Леонина. Раскаившаяся княгиня вспоминает о годах своей ранней юности, когда в нее был влюблен «один молодой человек и с усами, и адъютант, который любил ее страстно, который ей нравился. Но он был небогат, незнатен, и она его не выбрала... Бедного адъютанта убили на Кавказе. Она узнала о том на бале – и в лице не изменилась, и всю ночь протанцевала...» [10, с. 235–236]. Конечно, прямо сказать, что за безымянным адъютантом скрывается именно Леонин, нельзя. Но сходство с Лермонтовым, а значит, и с Леониным очевидное. Соллогуб, повторимся, стал работать куда тоньше, что говорит о его несомненном писательском росте при работе над этим циклом.

Старушка же, героиня заключительной повести цикла, может лишь с грустью вспоминать о своей утраченной за ошибками молодости. То, что внешне разные героини являются по сути своей воплощением одной женской судьбы, косвенным образом указывает и описка Соллогуба, которую не заметили при издании повести «Старушка» в 1855 году. В двух соседних абзацах старушка сначала величается графиней, а уже через несколько строчек повышается в титуле до княгини: «Мне совестно, заключила **графиня**: предложить вам какое-нибудь жалованье... С своей стороны, я надеюсь, что вы не откажетесь помочь бедной старухе. Эти слова выговорила **княгиня** с некоторым кокетством» [15, с. 296]. К слову, опечатку эту долгое время не замечали и советские издатели. Так, в издании «Повестей и рассказов» Соллогуба 1962 года титулы «графиня» и «княгиня» в этом же отрывке мирно соседствуют друг с другом. Ошибку обнаружили и исправили, но уже в издании 1983-го года, где графиня остается графиней: «Мне совестно, заключила **графиня**: предложить вам какое-нибудь жалованье... С своей стороны, я надеюсь, что вы не откажетесь помочь бедной старухе. Эти слова выговорила **графиня** с некоторым кокетством» [16, с. 486].

Важно отметить, что повесть «Старушка» единственная из всего цикла была опубликована в СССР как отдельное произведение, что несколько обеднило ее смысловое значение. Так, литературовед Н. Якушин не нашел в этом произведении Соллогуба чего-то принципиально нового или оригинального: «...Ничего принципиально нового писатель в ней [в «Старушке»] не сказал, а лишь снова повторил свою излюбленную мысль о необходимости каждому сословию выполнять собственную раз и навсегда предопределенную роль» [19, с. 17].

В этом отношении с Якушиным можно поспорить, ведь в контексте всего цикла о жизни светской дамы значение «Старушки» намного больше, нежели представляется исследователю, который рассматривал ее как отдельное произведение. Например, некоторые художественные детали полностью раскрываются перед нами только при прочтении именно всего цикла, в то время как при прочтении «Старушки» как отдельного произведения они теряют свою художественную и смысловую нагрузку. Так, Соллогуб композиционно обрамляет цикл двумя одинаково начинающимися монологами, носящими исповедальный характер. Начинается цикл горячим и эмоциональным монологом молодой княжны в повести «Бал» («**Выслушайте меня**, поймите меня, простите меня...» [7, с. 117]). Заканчивается же цикл длинным монологом-поучением старой графини/княгини в «Старушке» («**Выслушай меня**... Я старуха, следовательно, много видела, много испытала, могу многое сравнить» [15, с. 332]). Также важно отметить и еще одну деталь: старушка, произнося свой монолог, держит в руках старую табакерку с затертым портретом неназванного молодого человека, в которого она когда-то, видимо, была влюблена. «Эта табакерка была украшена портретом какого-то господина, в красном мальтийском кафтане, с орлиным носом, быстрыми глазами и напудренным тупе...» [15, с. 330]. Ни сама старушка, ни Соллогуб не открывают нам имени этого человека, но сам факт того, что она тоже когда-то была влюблена, придает речи старушки совершенно иную, куда более лиричную, а вовсе не реакционную тональность, как представляет Якушин.

Таким образом, подводя итоги нашему небольшому исследованию, можно говорить о том, что, хотя Соллогуб так и не написал в 1840-е годы крупного произведения, которое обобщало бы его творчество, все его повести не были разрозненными отдельными произведениями, а составляли собой единую ткань собственного художественного мира писателя, в котором все было так или иначе связано друг с другом. Свои ранние светские повести Соллогуб включал в циклы, объединенные общим, сквозным героем: Сережа, Леонин, а также второстепенные Саша, Щетинин, Мухрабатов. Зрелый же цикл «Жизнь светской женщины» построен по более трудному принципу типизации главных героинь. Четыре героини разного возраста и статуса, словно эстафету, проживают друг за другом одну – типичную для женщины высшего общества жизнь светской львицы. Каждому периоду этой жизни свойственны разные проблемы. Например, юность – это борьба светского «кукольного» начала в девушке с ее «ангельской» естественной сущностью (княжна из «Бала»), молодость – постепенное превращение женщины в типичную светскую львицу (графиня из «Двух минут»), зрелость – это осознание порочности светского образа жизни, из чего следует неудачная попытка вырваться из пут «большого света» (княгиня из одноименной повести), старость – подведение итогов жизни в «большом свете» (героиня «Старушки»). При этом важно отметить, что проблемы каждого жизненного периода, ошибки и разочарования не уходят вместе с героиней, а в том или ином виде проявляются в жизни принявшей эстафету следующей героини. Соллогуб тем самым подчеркивает, что судьба абсолютно любой женщины в светском обществе типична.

Помимо этого, надо сказать, что дамский цикл, несмотря на его серьезное смысловое усложнение в сравнении с циклами «мужскими» тем не менее тесно связан с ними. Это позволяет говорить нам о произведениях Соллогуба как о едином художественном пространстве.

Список литературы

1. Белкина М. А. Водевиль Соллогуба. М., 1937. С. 7.
2. Ермоленко С. И., Валек Н. А. В. А. Соллогуб «Через край»: забытая страница русской романистики. Е., 2013. С. 18.
3. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. С. 64.
4. Немзер А. С. Литературная позиция В. А. Соллогуба (1830–1840-е годы). С. 88.
5. Немзер А. С. Проза Владимира Соллогуба // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Правда, 1988. С. 9–11.
6. Пушкин А. С. Евгений Онегин. М. : Дрофа, 2012. С. 38–71.
7. Соллогуб В. А. Бал // Сочинения графа В. А. Соллогуба : в 5 т. Т. 2. СПб. : А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 117.
8. Соллогуб В. А. Большой свет // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Правда, 1988. С. 84–151.
9. Соллогуб В. А. Две минуты // Сочинения графа В. А. Соллогуба : в 5 т. Т. 2. СПб. : А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 126.
10. Соллогуб В. А. Княгиня // Сочинения графа В. А. Соллогуба : в 5 т. Т. 2. СПб. : А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 235–236.
11. Соллогуб В. А. Лев // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Советская Россия, 1988. С. 60–67.
12. Соллогуб В. А. Медведь // Сочинения графа В. А. Соллогуба в 5 т. Т. 1. СПб. : А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 379–411.
13. Соллогуб В. А. Приключение на железной дороге. С. 171.
14. Соллогуб В. А. Сережа // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Правда, 1988. С. 20.
15. Соллогуб В. А. Старушка // Сочинения графа В. А. Соллогуба : в 5 т. Т. 2. СПб. : А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 286.
16. Соллогуб В. А. Старушка // Избранная проза / В. А. Соллогуб. М. : 1983. С. 486.
17. Соллогуб В. А. Тарантас // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Правда, 1988. С. 273.
18. Чистова В. А. Соллогуб. Повести. Воспоминания. 1988. С. 8.
19. Якушин Н. И. Писатель с замечательным дарованием // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Советская Россия, 1988. С. 17.

Cyclization of stories in the works of V. A. Sollogub in the 1840s

V. D. Petuhov

postgraduate student of the faculty of philology and media communications, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-6346-2171. E-mail: vict.petukhoff@yandex.ru

Abstract. The article examines the specifics of the unity of the artistic world of prose of the famous writer V. A. Sollogub during his main creative activity, in the 1840s. Most researchers consider the work of a writer as a set of separate stories, connected only by the place of their action – the great light, without noticing the deeper connection of these works with each other. The novelty of this scientific article is that it presents the first comprehensive attempt to look at the majority of Sollogub's stories of the 1840s as a single text, combined in cycles of stories. The relevance of this topic is due to the growing interest of modern researchers in the Sollogub's work and the lack of comprehensive scientific work, which would include not only the analysis of works already well-known to the public, but also an appeal to the late, little-studied novels of the writer. In the course of the research, two main end-to-end male characters are identified, "stitching" Sollogub's stories with each other (Seryozha, Leonin) into a single whole. In addition, there are secondary, auxiliary characters who perform many similar functions (Shchetinin, Sasha, Prince Muhrabatov). The article also establishes the connection between the artistic world by Sollogub and the works of Pushkin and Lermontov through Seryozha and Leonin cycles. Finally, the analysis of Sollogub's "ladies" cycle "The life of a secular woman" ("Zhizn' svetskoj zhenshchiny"), which until now has been practically not studied by modern literary science, is carried out. The works highlighted by the writer in this cycle ("The Ball" – "Bal", "Two minutes" – "Dve minuty", "Princess" – "Knyaginya" and "The old woman" – "Starushka"), however, also have a deep connection with the writer's previous works. Special attention in this cycle is paid to the story "The old woman" ("Starushka"), which ends it, but was published earlier as a separate work in isolation from other stories in the cycle. Considering this work in the context of the cycle allows us to rethink the understanding of this story, to look in a new way at some details that are not of interest in isolation from the cycle. The author of the article comes to the conclusion that the close relationship between Sollogub's works allows us to speak about his stories not just as a single text, but as a single, integral artistic space of the writer, which partially compensates for the lack of a large-scale work in his work.

Keywords: Russian literature of the XIX century, secular novel, creativity of V. A. Sollogub.

References

1. *Belkina M. A. Vodevil' Solloguba* [Sollogub's vaudeville]. M. 1937. P. 7.
2. *Ermolenko S. I., Valek N. A. V. A. Sollogub "Cherez kraj": zabytaya stranica russkoj romanistiki* [V. A. Sollogub "Across the edge": the forgotten page of Russian romanistics]. E. 2013. P. 18.
3. *Lermontov M. Yu. Geroj nashego vremeni* [Hero of our time]. P. 64.
4. *Nemzer A. S. Literaturnaya poziciya V. A. Solloguba (1830-1840-e gody)* [Literary position of V. A. Sollogub (1830-1840s)]. P. 88.
5. *Nemzer A. S. Proza Vladimira Solloguba* [Prose Of Vladimir Sollogub] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Pravda 1988. Pp. 9–11.
6. *Pushkin A. S. Evgenij Onegin* [Eugene Onegin]. M. Drofa. 2012. Pp. 38–71.
7. *Sollogub V. A. Bal* [The Ball // *Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t.* – Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. Vol. 2. Saint Petersburg. A. Smirdin (son). 1855–1856. P. 117.
8. *Sollogub V. A. Bol'shoj svet* [Big light] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Pravda. 1988. Pp. 84–151.
9. *Sollogub V. A. Dve minuty* [Two minutes] // *Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t.* – Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. Vol. 2. Saint Petersburg. A. Smirdin (son). 1855–1856. P. 126.
10. *Sollogub V. A. Knyaginya* [The Princess] // *Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t.* – Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. 2. Saint Petersburg: A. Smirdin (son), 1855–1856. Pp. 235–236.
11. *Sollogub V. A. Lev* [Lion] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Soviet Russia. 1988. Pp. 60–67.
12. *Sollogub V. A. Medved'* [Bear] // *Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t.* – Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. Vol. 1. Saint Petersburg. A. Smirdin (son). 1855–1856. Pp. 379–411.
13. *Sollogub V. A. Priklyuchenie na zheleznoj doroge* [Adventure on the railway]. P. 171.
14. *Sollogub V. A. Serezha* [Seryozha] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Pravda. 1988. P. 20.
15. *Sollogub V. A. Starushka* [The old woman] // *Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t.* – Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. Vol. 2. Saint Petersburg. A. Smirdin (son). 1855–1856. P. 286.
16. *Sollogub V. A. Starushka* [The old woman] // *Izbrannaya proza – Selected prose / V. A. Sollogub*. M. 1983. P. 486.
17. *Sollogub V. A. Tarantas* [Tarantass] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Pravda. 1988. P. 273.
18. *Chistova V. A. Sollogub. Povesti. Vospominaniya* [Sollogub. Novels. Memories]. 1988. P. 8.
19. *Yakushin N. I. Pisatel' s zamechatel'nym darovaniem* [Writer with a remarkable talent] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Soviet Russia. 1988. P. 17.